

Оригинальная статья
УДК 128; 179; 159.9.01
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-29-39>

«Танатополитика» в социально-политическом дискурсе в 2000–2020-е гг.: между «живыми мертвецами» и «некросоциальностью»

Иван Михайлович Ротов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
stamatin.peter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>*

Введение. На протяжении последних двадцати лет в социально-политическом дискурсе активно используются термины «танатополитика», «некрополитика», «некроэкономика» и т. п. Но дефиниции этих значений остаются размытыми. В последние 4–5 лет их можно встретить и в русскоязычных статьях, а также в публичном пространстве блогов и youtube-каналов. Часто обращение к этим терминам связано с ангажированным высказываниями авторов из неакадемической среды. Цель данной статьи – обозначить область употребления термина «танатополитика» в академической литературе последних лет.

Методология и источники. Исследование выполнено в логике генеалогического подхода. Основной предмет интереса – разрывы в дискурсе, когда одни и те же или схожие термины наполняются новым содержанием или получают новые интерпретации. Был выполнен анализ англоязычных статей по направлениям политической философии, критической теории, литературоведения, проблемам гендерных исследований, истории и экономики. Именно в этом языковом и проблемном поле термин обрел актуальные на сегодняшний день дефиниции.

Результаты и обсуждение. В существующей англоязычной академической литературе можно выделить два подхода: 1) танатополитика – институционализированное государственное насилие, незитичные технологии управления, которые позволяют суверену конвертировать смерть на своей территории в ресурсы и легитимность. Авторы, которые придерживаются этого подхода к проблеме, оперируют понятием «некрополитика», вместо «танатополитика», но бывают исключения. Они опираются на одноименное эссе А. Мбембе и занимаются левой критикой конкретных примеров неокOLONIALИЗМА; 2) танатополитика – создание социальных связей через производство знаний об угрозах, имманентных жизни. Это феномен, когда общность формируется в силу того, что она в любой момент может исчезнуть. Такой подход к проблеме танатополитики характерен для исследователей художественной культуры и современных цифровых медиа.

Заключение. Авторы, которые используют в своей работе термин «танатополитика» и родственные ему, изучают диспозитив власть–смерть–знание. Однако его наличие в тексте не может быть однозначным маркером позиции исследователя. Иногда выбор этого термина – маркер критических выпадов в адрес конкретных политических решений государства. Но еще о танатополитике пишут авторы, изучающие горизонтальные социальные связи, порождаемые знанием о смерти.

© Ротов И. М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: танатополитика, некрополитика, политическая философия, дискурс-анализ, Ахилле Мбембе

Для цитирования: Ротов И. М. «Танатополитика» в социально-политическом дискурсе в 2000–2020-е гг.: между «живыми мертвецами» и «некросоциальностью» // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-29-39.

Original paper

“Thanatopolitics” in the Socio-Political Discourse in the 2000s and 2020s: between the “Living Dead” and “Necrosociality”

Ivan M. Rotov

*Kazan Federal University, Kazan, Russia,
stamatin.peter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>*

Introduction. Over the past twenty years, the terms “thanatopolitics”, “necropolitics”, “necroeconomics”, etc. have been actively used in socio-political discourse. But the definitions of these meanings remain blurred. In the last 4–5 years, they can be found in Russian-language articles, as well as in the public space of blogs and YouTube channels. Often, the use of these terms is associated with biased statements by authors from a non-academic environment. The purpose of this article is to identify the area of use of the term “thanatopolitics” in the academic literature of recent years.

Methodology and sources. The study was carried out in the logic of the genealogical approach. The main subject of interest is gaps in discourse, when the same or similar terms are filled with new content or receive new interpretations. The analysis of English-language articles in the fields of political philosophy, critical theory, literary studies, gender studies, history and economics was carried out. It is in this linguistic and problematic field that the term has acquired definitions that are relevant today.

Results and discussion. Two approaches can be distinguished in English-language academic literature: 1) thanatopolitics – institutionalized state violence, unethical management technologies that allow the sovereign to convert death on his territory into resources and legitimacy. The authors who adhere to this approach to the problem use the concept of “necropolitics” instead of “thanatopolitics”, but there are exceptions. They rely on the essay of the same name by A. Mbembe and engage in leftist criticism of specific examples of neocolonialism; 2) thanatopolitics – the creation of social connections through the production of knowledge about threats to immanent life. The phenomenon when a community is formed due to the fact that it can disappear at any moment. This approach to the problem of thanatopolitics is typical for researchers of artistic culture and modern digital media.

Conclusion. The authors who use the term “thanatopolitics” and other terms related in their work study the power-death-knowledge dispositif. But its presence in the text cannot be an unambiguous marker of the researcher's position. Sometimes the choice of this term is a marker of critical attacks against specific political decisions of the state. But the authors who study the horizontal social connections generated by knowledge about death also write about “thanatopolitics”.

Keywords: thanatopolitics, necropolitics, political philosophy, discourse analysis, Achille Mbembe

For citation: Rotov, I.M. (2024), ““Thanatopolitics” in the Socio-Political Discourse in the 2000s and 2020s: between the “Living Dead” and “Necrosociality””, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6- 29-39 (Russia).

В 2000–2020-е гг. в англоязычных статьях о политической философии, критической теории, литературоведении, по проблемам гендерных исследований, истории и экономике часто можно встретить ряд родственных терминов с размытыми дефинициями. Речь о таких значениях как «танатополитика», «некрополитика», «танатовласть», «некрэкономика» и др. Все они восходят к работам М. Фуко «Безопасность. Территория. Население», «Нужно защищать государство», «История сексуальности» и другим.

Однако в 2020-е появляются тексты о танатополитике, которые вовсе не упоминают о биополитике и работах М. Фуко. Иногда авторы используют эти значения как нечто само собой разумеющееся или ограничиваются популярной цитатой из Д. Агамбена: «биополитика может обернуться танатополитикой».

Значения «танатологического дискурса» на протяжении последних 4–5 лет можно встретить как в русскоязычной академической литературе, так и в публичном пространстве блогов и youtube-каналов. Часто обращение к этим значениям связано с политически ангажированными критическими высказываниями авторов из неакадемической среды. Возникает ряд вопросов. Существует ли у танатологической оптики позитивное значение? Является ли выбор конкретных терминов гарантированным маркером авторской позиции? Какие подходы к проблеме «политики смерти» существуют в родном для дискурса англоязычном языковом пространстве? Ответить на эти вопросы необходимо, чтобы понять, почему эти термины привлекают внимание русскоязычных авторов.

Цель этой статьи – обозначить область употребления термина «танатополитика» в академической литературе последних лет. Исследование выполнено в логике генеалогического подхода. Основной предмет интереса – разрывы в дискурсе, когда одни и те же или схожие термины наполняются новым содержанием или получают новые интерпретации.

В существующей англоязычной академической литературе можно выделить два подхода к данной проблеме:

1. Танатополитика – институционализированное государственное насилие, неэтичные технологии управления, которые позволяют суверену конвертировать смерть на своей территории в ресурсы и легитимность. Авторы, которые придерживаются такого подхода к проблеме, преимущественно оперируют понятием «некрополитика», вместо «танатополитика», но бывают исключения. Они опираются на одноименное эссе А. Мбембе и стоят на позициях левой критики неокOLONIALИЗМА.

2. Танатополитика – создание социальных связей через производство знаний об угрозах, имманентных жизни. Феномен в том, что общность формируется в силу того, что она в любой момент может исчезнуть, и практики, которые позволяют такие общности создавать и описывать. Такой подход к проблеме танатополитики характерен для исследователей художественной культуры и современных цифровых медиа.

Впервые слово «танатополитика» в XX в. употребил итальянский философ Д. Агамбен в работе «Homo sacer» [1, с. 156–157]. Однако ранее приведенная цитата не передает его позицию по данному вопросу, а скорее вводит в заблуждение.

Для Агамбена невозможно представить, чтобы танатополитика была отделена от биополитики. В этом отношении он последовательно продолжает линию рассуждений М. Фуко из работы «Нужно защищать государство». Для Агамбена структура политического действия диа-

лектична: суверен устанавливает закон, перед лицом которого каждый человек является «*homo sacer*» – носителем «голой жизни», индивидом, которого можно убить/переместить/ограничить, не совершая преступления. Без этого допущения смерти невозможна работа жизни. Самый человеколюбивый закон, направленный на улучшение качества жизни, на увеличение числа граждан или их оздоровление имеет эту танатополитическую изнанку. Право может работать лишь в ситуации, когда существует суд последней инстанции и высшая мера наказания.

В 2000-е гг. в диспозитиве власть–смерть–знание произошли радикальные изменения. Биополитическая модель Фуко была дополнена. В эссе «*Necropolitics*» (2003) камерунский историк и политический теоретик А. Мбембе выдвинул гипотезу, что современные государства сделали само производство смерти самодостаточной политической технологией.

Для М. Фуко смерть гражданина – необходимая уступка правителя неумолимым законам реальности. Смерть – лишь одна из переменных в расчетах, которую всегда нужно иметь в виду, если легитимность основана на благополучии популяции [2, с. 254–255].

Для Агамбена смертная казнь – пускай и гипотетическая, единожды прописанная в правовой системе – позволяет закону работать. В конечном итоге, казни не обязательно совершаться.

Мбембе пишет о новой рациональности, в которой смерть на территории государства рассматривается как важный ресурс. В своих рассуждениях он опирается на фукианскую идею о том, что государственный расизм является технологией, с помощью которой биополитика может быть реализована. Именно сегрегация и изоляция части населения в отдельную «расу» позволяет совершать убийство, не совершая преступления [3, р. 17].

Но Мбембе делает шаг дальше и утверждает, что помимо дисциплинарных и биополитических техник власти существуют некрополитические [3, р. 27]. Он пишет о том, что называет колониальной оккупацией позднего модерна. Главным примером этого феномена для него являются спорные территории Палестины под контролем Израиля. В своем эссе он описывает, как внутреннее разделение территории, технологии слежения и новое вооружение приводят к появлению «миров смерти». Эти пространства, население которых для политики и/или экономики представляет интерес только в качестве потенциальных мертвецов – сакральных жертв, героев, поверженных врагов и т. д. В «мирах смерти» невозможно этичное сопротивление, ненасильственный активизм или неполитизированное самоубийство. Это гиперсемиотическое пространство, где никто не умирает просто так, но всегда в интересах государства.

Новую популярность идеи Мбембе получили после июля 2014 г., когда общественное внимание привлекли массированные бомбардировки Сектора Газы израильской артиллерией в рамках операции «Несокрушимая скала». Доктор философских наук М. Йоронен в статье «*“Death comes knocking on the roof”: Thanatopolitics of Ethical Killing During Operation Protective Edge in Gaza*» в качестве примера танатополитики проанализировал практику «Стука в крышу» [4]. Так называют предупредительный обстрел жилых районов металлическими болванками и другие методы информирования населения о грядущем ударе по территории. Йоронен описал, как современные технологии «этичной» войны перекладывают ответственность за смерть с убийцы на жертву, что позволяет суверену оставаться в международном правовом пространстве.

В 2016 г. социолог Р. Лентин в статье «*Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization*» исследовала политику Израиля в отношении палестин-

цев [5]. Методологический аппарат она заимствовала у Д. Агамбена и А. Мбембе. В том же году Н. Шалхуб-Кеворкян, Й. Дэвид и С. Ихмуд писали об «экономике сакрализованного насилия», которую Израиль реализовывал в отношении Газы. В их статье «Theologizing State Crime» некрополитика рассматривается уже не просто как форма политической рациональности, но как институционализированное государственное преступление [6]. Схожим образом в статье «The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime» Д. Короса о миграционной политике греческого правительства «некрополитика» используется как синоним «расистского биополитического преступления» [7].

Существует искушение грубо разделить значения «танатополитика» и «некрополитика» в статьях об инструментализации смерти. И до определенной степени это верно. В статьях, где авторы с левых позиций критикуют конкретные примеры неокOLONIALИЗМА, империализма и государственного насилия, скорее всего, вы найдете термины «некрополитика», «некровласть» и «некроэкономика». И речь не только о Палестине. Д. Саньял в статье «Calais’s «Jungle»: Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance» называет «некрополитикой» технологии работы с Африканскими беженцами, принятые во Франции [8]. Философ и специалист в области колониальной архитектуры Э. Дистретти в статье «Enforced Disappearances and Border Deaths Along the Migrant Trail» анализирует пограничные районы Африки [9]. Он дополняет вокабуляр Мбембе понятием «насильственное исчезновение». Речь идет о некрополитической технологии сокращения миграции: люди в пространстве фронта пропадают без вести с молчаливого согласия тех, кто должен обеспечивать безопасность в регионе.

Термин «некрополитика» можно встретить и в критических выпадах против республиканской партии США. В статье «Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North» Е. Дарион-Смит проанализировала высказывания нескольких влиятельных республиканцев и президента Дональда Трампа о последствиях эпидемии Covid-2019 для экономики [10]. Дарион-Смит обратилась к теоретическому аппарату Мбембе, чтобы описать политическую рациональность экономических элит Америки, для которых смерть определенных категорий граждан может быть не просто допустима, но экономически выгодна.

С другой стороны, термины «танатополитика» и «танатовласть» чаще встречаются в статьях с более широкой теоретической проблематикой. Профессор М. Ваттер в работе «Eternal Life and Biopower» проанализировал, как идея вечной жизни в западной философии повлияла на развитие биополитики [11]. Р. Чоу в статье «Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)» писал о роли мимесиса в формировании нарратива виктимности [12]. Она упоминает «нацистскую танатополитику». Хотя, когда речь идет о неэтичном государственном насилии, кажется, можно было заимствовать термин «некрополитика». Но Чоу наследует вокабуляр у Агамбена, на работы которого опирается в своем исследовании.

Но на самом деле все еще сложнее. В уже упомянутой статье М. Йоронен термина «некрополитика» нет. Политическая рациональность Израиля в отношении Палестины, с точки зрения автора, преступна, и рациональность эта «танатополитическая». Австралийский профессор М. Келли в чрезвычайно эмоциональной статье «International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism» описывает ситуацию в мире как «паразитический империализм», в котором богатые страны регулярно обращаются к «танатополитике» [13].

М. Кохраман в 2015 г. опубликовал статью, во многом схожую с текстом Е. Дарион-Смит. В статье «Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China» он проанализировал экономические аспекты, которые мотивируют политическую и экономическую элиту убивать свое население. В его работе речь идет о китайской табачной индустрии. Но, если Дарион-Смит назвала логику сенаторов-республиканцев «некрополитической», то М. Кохраман назвал «танатополитикой» то, как население Китая обрекают на «медленную смерть за экономику» [14, p. 924].

Сегодня, пожалуй, нельзя говорить о строгом разграничении терминов «некрополитика» и «танатополитика» и их производных. В текстах 2000–2020-х гг. исследователи заимствуют терминологию либо у М. Фуко и Д. Агамбена, либо у А. Мбембе. Но независимо от выбора термина исследователи рассматривают переход от биополитики к некро/танатополитике как свершившийся факт. И это, очевидно, влияние эссе «Некрополитика». В 2003 г. в дискурсе происходит разрыв. Мбембе заменил повествование о диалектике жизни и смерти на последовательное повествование. В его прочтении царство жизни проиграло под натиском миров смерти. Но это лишь одна ветвь в генеалогии «танатополитики».

Все описанные работы объединяет убежденность в том, что мы живем в мире, где политические акторы много и, главное, сознательно убивают ради выгоды. Однако существует альтернативная точка зрения на диспозитив власть–смерть–знание. Отличие можно сформулировать следующим образом. Большинство авторов пишет о том, что государство делает, чтобы убивать, или что делает со свершившимися убийствами. Но есть авторы, которым интересно другое: как на политику влияет тот факт, что смерть имманентна жизни. И самый частый ответ – люди начинают формировать связи.

Доктор политических наук Калифорнийского университета в Шанхае Д. Ким опубликовала в 2016 г. статью «Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan» [15]. Методологически исследование основано на работах Д. Агамбена и посвящено коммуникации людей в неблагополучных районах Японии. Автор вообще ничего не пишет о «биополитике». Это делает текст Д. Ким самым важным для данной статьи. Именно здесь мы обнаруживаем попытку говорить о собственно танатополитическом. Ким интересуется то, что она называет «некросоциальность». Речь о специфических форматах заботы, которые не основаны на дружбе или кровном родстве. Например, в токийский район Котобуки часто переезжают одинокие бедные старики, бездомные и инвалиды. Основная форма коммуникации для жителей этого сообщества – поминальные церемонии и уход за могилами и алтарями незнакомцев. Этим людей объединяет только и исключительно тот факт, что они умрут здесь.

За три года до статьи Д. Ким в эссе «Nomos, posos и bios» Ю. Такер рассмотрел политику США в отношении общественного здравоохранения. Законодательство по биозащите нации развивалось в этой стране одновременно с контртеррористическими мерами. И в конечном итоге население оказалось в ситуации, когда каждый человек потенциально является угрозой для окружающих. Каждый человек может быть обозначен как агент заражения и/или террорист [16, p. 12–19]. Закономерный итог подобной политики сформулировала в 2021 г. С. Нортон в статье: «When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas’s Ethics, and Contagion»: «Мы не солдаты в войне против Ковид-19, отнюдь нет: в том, что касается операций биовласти, мы сами и есть Ковид-19» [17, p. 727].

Современная ситуация такова, что тем, что объединяет людей, часто является не раса или «раса», а именно способность быть больным, заразным, быть мертвым, быть угрозой. И, как мы увидим позднее, связь между людьми сегодня может возникать благодаря «общей смерти» кого-то в прошлом. Исследователь политического в таких условиях, с точки зрения Такера, должен заниматься не биологией, а некрологией политического тела [16, р. 51–52]. То есть изучать преимущественно зоны распада и разложения, так как именно они конструируют современные политические сообщества.

Ранее отнюдь не случайно в качестве примера была упомянута статья 2016 г. Д. Ким. Ю. Такер в своем эссе описывает, как государство производит знание об угрозах имманентных жизни, чтобы получить контроль над личными данными пользователей. Танатологический взгляд на мир превращается в очередной инструмент угнетения. Но феномен некросоциальности, описанный Д. Ким, показывает, как акцент на знании о смерти может формировать общность вне, а иногда и вопреки государственному интересу. По крайней мере, речь идет уже не только о насилии государства над жизнью и устрашении, но об усложнении логики между живыми и мертвыми [15, р. 844]. Это означает, что танатополитика не всегда инструмент угнетения. Суверен также вынужден реагировать на требования населения, которое начинает действовать с оглядкой на собственную смертность. Редко, но этот подход к танатополитике можно обнаружить в академической литературе, чаще всего посвященной критике искусства и медиа.

Д. Сейр в статье «The Necropolitics of New World Nativism» описывает «некрополитические структуры», которые лежат в основе национального романа в Южной и Северной Америке [18]. Политическая общность нации формируется на основе чудовищного насилия, которое перенесли предки, насилия, которое транслируется через художественный текст.

Л. Шмейн в книге «Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction» в главе «9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies» применил идеи Фуко, Агамбена и Мбембе к современным фильмам и компьютерным играм о зомби. Автор пишет, что популярность зомби-жанра всегда совпадала в США с ростом панических настроений, социальной разобщенностью и растерянностью. Однако именно в медиа после 2000 г. зомби выступают не только как угроза. Серия игр «Обитель зла», например, демонстрирует целый спектр позиций, которые может занять человек в мире тотальной биологической угрозы, где глобальный капитализм и «танато-технологический прогресс» постоянно угрожают вторжением в тело человека [19, р. 227]. В современных медиа-продуктах о зомби человек может не только умирать или убивать, но и творчески переживать факт заражения, выбирать его сознательно и действовать, будучи потенциально или фактически мертвым. Сегодня зомби в медиа – это возможность для зрителя узнать себя и многократно отрефлексировать собственный ежедневный опыт.

Итак, второй подход к проблеме танатополитики можно сформулировать так: танатополитика – это технологии, которые на первом этапе производят знание об угрозах имманентных жизни как таковой (о смертности, о болезни, о вине, о разложении), а на втором этапе это знание по необходимости вынуждает людей создавать социальные связи, чтобы примириться с этим знанием. Формы этих связей могут быть различны. Человек может вступить в партию, может познакомиться с соседом на поминках или выйти на костюмированный парад зомби.

Авторы, которые так смотрят на диспозитив власть–смерть–знание активнее работают с историческим материалом. Они не ограничиваются событиями последних десяти и даже пятидесяти лет и актуальной политической повесткой. Б. Уолтерс в статье «Sulla’s Phthiriasis and the Republican Body Politic» исследовал медиализацию политического языка времен диктатуры Суллы. Он описал как идея общественного здоровья легитимировала насилие [20]. Но для нас важно другое. Сулла создал повествование о болезни социального тела, в которое вписал себя в качестве лекаря. В ответ на это его противники, опираясь на тот же язык болезни и разложения создали легенду об ужасной смерти диктатора от фтириза. В обоих случаях отправной точкой для формирования политической общности стало знание о смертности тела (индивидуального и политического).

Здесь нужно сделать важную оговорку, что медиализация политического языка – классическая тема для философии. Ее истоки, вероятно, стоит искать в восьмой книге Сократа «Государства», а подробный разбор того, как суверен обращается к знанию болезни для собственной легитимации, можно найти и до 2000-х гг., например, в работах С. Зонтаг «Болезнь как метафора» и «Спид и его метафоры». Однако термина «танатополитика» в этих текстах нет. Это значение и его производные – характерный маркер нашей эпохи, когда в условиях политической нестабильности наследие Фуко перепрочитывается и во многом радикализируется. Разговор о медиализации политического языка уступает место повествованию об инструментализации смерти.

Есть статьи, которые пытаются охватить танатополитическую проблематику во всей ее полноте. Так в 2020 г. А. Янг опубликовал текст «The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture» [21]. В нем он проанализировал фантастическую беллетристику, популярную у американских «выживальщиков». Эта субкультура правых по взглядам индивидуалистов-патриотов, которые отстаивают независимость отдельных штатов от федерального правительства. Сюжет в литературе, ориентированной на эту аудиторию, обычно представляет собой историю в альтернативном будущем, где белый американец с ружьем спасает страну от краха. Этот, казалось бы, локальный феномен включает в себя многие проблемы, о которых сказано ранее.

А. Янг понимает некрополитику очень буквально, как право определять, кто будет жить, а кто умрет. В связи с этим право на оружие в логике американских правых можно обозначить как «the democratic distribution of necropolitical power» («демократическое распределение некрополитической власти»). При этом Янг делает ряд интересных замечаний о политике США в отношении Национальных парков. Они, с точки зрения автора, являются своеобразными полигонами, где современный американский мужчина может приобщиться к опыту фронта, познакомиться с нарративом об эпохе, когда американцы отправляли некрополитическую власть над коренными народами континента. При этом популяризация этого нарратива правительством и привела к появлению радикалов-выживальщиков, которые вступают в конфликт с федеральными властями. Еще один интересный момент в патриотической американской фантастике: белый герой мужчина часто «крадет» обряд похорон у коренных народов. Протагонист по ходу сюжета совершает языческий обряд над телом близкого человека в землях индейцев. Так он легитимирует свое положение нового хозяина через танатополитическую связь.

Статья Янга хорошо описывает пространство значений, которые сегодня захватывает танатополитика. Этот феномен давно вышел за рамки, обозначенные М. Фуко и даже Д. Агамбеном. В самом общем смысле танатополитика – это диспозитив власть–смерть–знание. И в современной англоязычной литературе подходов к этому диспозитиву можно выделить два. Во-первых, танатополитика – это техники, которые позволяют организовывать смерть во благо государственного интереса. Во-вторых, – это создание социальных связей через рефлексию об угрозах, имманентных жизни.

Два этих подхода неравнозначны. И чаще всего в литературе используют первый, так как он позволяет сформулировать критическое высказывание в адрес конкретного государственного решения. Это высказывание о производстве смерти гарантировано будет воспринято читателем и вызовет эмоцию. Второй подход представляет собой более сложный и комплексный взгляд на роль смерти в политическом процессе. Танатополитика, понятая позитивно, – это способ фиксировать связи, которые возникают между гражданином и законодателем в мире, в котором смерть неизбежна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж. *Nomo sacer: суверенная власть и голая жизнь* / пер. с итал. И. Левиной и др. М.: Европа, 2011.
2. Фуко М. *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году* / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005.
3. Mbembé J.-A. *Necropolitics* // *Public Culture*. 2003. Vol. 15, iss. 1. P. 11–40.
4. Joronen M. “Death comes knocking on the roof”: *Thanatopolitics of Ethical Killing During Operation Protective Edge in Gaza* // *Antipode*. 2016. Vol. 48, iss. 2. P. 336–354. DOI: <https://doi.org/10.1111/anti.12178>.
5. Lentin R. *Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization* // *State Crime J.* 2016. Vol. 5, no. 1. P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0032>.
6. Shalhoub-Kevorkian N., David Y., Ihmoud S. *Theologizing State Crime* // *State Crime J.* 2016. Vol. 5, no. 1. P. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0139>.
7. Koros D. *The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime* // *State Crime J.* 2021. Vol. 10, no. 2. P. 238–256. DOI: [10.13169/statecrime.10.2.0238](https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0238).
8. Sanyal D. «Calais’s «jungle»: Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance» // *Representations*. 2017. No. 139. P. 1–33.
9. Distretti E. *Enforced Disappearances and Border Deaths Along the Migrant Trail* // *Border Deaths: Causes, Dynamics and Consequences of Migration-related Mortality*; in P. Cuttitta, T. Last (eds.). Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt1sgz6.11>.
10. Darian-Smith E. *Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North* // *State Crime J.* 2021. Vol. 10, no. 1. P. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.1.0061>.
11. Vatter M. *Eternal Life and Biopower* // *CR: The New Centennial Review*. 2010. Vol. 10, no. 3. P. 217–249. DOI: [10.1353/ncr.2010.0035](https://doi.org/10.1353/ncr.2010.0035).
12. Chow R. *Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)* // *Representations*. 2006. Vol. 94, no. 1. P. 131–149. DOI: [10.1525/rep.2006.94.1.131](https://doi.org/10.1525/rep.2006.94.1.131).
13. Kelly M. G. E. *International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism* // *Theoria: a J. of Social and Political Theory*. 2010. Vol. 57, no. 123. P. 1–26. DOI: [10.3167/th.2010.5712301](https://doi.org/10.3167/th.2010.5712301).
14. Kohrman M. *Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China* // *Anthropological Quarterly*. 2015. Vol. 88, no.4. P. 907–939. DOI: [10.1353/anq.2015.0053](https://doi.org/10.1353/anq.2015.0053).

15. Kim J. Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan // *The J. of the Royal Anthropological Institute*. 2016. Vol. 22, no. 4. P. 843–863. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12491>.
16. Такер Ю. Три текста о заражении / пер. с англ. Д. И. Вяткина, Г. Г. Коломиец, Я. Э. Цырлиной. Пермь: Гилея Пресс, 2020.
17. Norton S. When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion // *Revista Portuguesa de Filosofia*. 2021. Vol. 77, no. 2/3. P. 715–732. DOI: [10.17990/rpf/2021_77_2_0715](https://doi.org/10.17990/rpf/2021_77_2_0715).
18. Sayre J. The Necropolitics of New World Nativism // *Early American Literature*. 2018. Vol. 53, iss. 3. P. 713–744. DOI: [10.1353/eal.2018.0070](https://doi.org/10.1353/eal.2018.0070).
19. Schmeink L. 9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies // *Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction*. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2016. P. 200–236. DOI: <https://doi.org/10.5949/liverpool/9781781383766.003.0007>.
20. Walters B. Sulla's Phthiriasis and the Republican Body Politic // *Mnemosyne*. 2019. Vol. 72, iss. 6. P. 949–971. DOI: [10.1163/1568525X-12342610](https://doi.org/10.1163/1568525X-12342610).
21. Trimble Young A. The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture // *Lateral*. 2020. Vol. 9.1. DOI: <https://doi.org/10.25158/L9.1.8>.

Информация об авторе.

Ротов Иван Михайлович – аспирант кафедры социальной и политической философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, ул. Кремлевская, д. 18, Казань, Республика Татарстан 420008, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, биополитика, история повседневности Российской империи второй XIX – начала XX в.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.06.2024; принята после рецензирования 23.10.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.

REFERENCES

1. Agamben, G. (2011), *Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita*, Transl. by Levina, I. et al., Europa, Moscow, RUS.
2. Foucault, M. (2005), "Il Faut Défendre la Société" *Cours au Collège de France (1975–1976)*, Transl. by Samarskaya, E.A., Nauka, SPb., RUS.
3. Mbembé, J.-A. (2003), "Necropolitics", *Public Culture*, vol. 15, iss. 1, pp. 11–40.
4. Joronen, M. (2016), "'Death comes knocking on the roof': Thanatopolitics of Ethical Killing during Operation Protective Edge in Gaza", *Antipode*, vol. 48, iss. 2, pp. 336–354. DOI: <https://doi.org/10.1111/anti.12178>.
5. Lentin, R. (2016), "Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization", *State Crime J.*, vol. 5, no. 1, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0032>.
6. Shalhoub-Kevorkian, N., David, Y. and Ihmoud, S. (2016), "Theologizing State Crime", *State Crime J.*, vol. 5, no. 1, pp. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0139>.
7. Koros, D. (2021), "The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime", *State Crime J.*, vol. 10, no. 2, pp. 238–256. DOI: [10.13169/statecrime.10.2.0238](https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0238).
8. Sanyal, D. (2017), "'Calais's 'Jungle': Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance'", *Representations*, no. 139, pp. 1–33.
9. Distretti, E. (2019), "Enforced Disappearances and Border Deaths along the Migrant Trail", *Border Deaths: Causes, Dynamics and Consequences of Migration-related Mortality*, in Cuttitta, P. and Last, T. (eds.), Amsterdam Univ. Press, Amsterdam, NDL. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt1sgz6.11>.

10. Darian-Smith, E. (2021), "Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North", *State Crime J.*, vol. 10, no. 1, pp. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.1.0061>.
11. Vatter, M. (2010), "Eternal Life and Biopower", *CR: The New Centennial Review*, vol. 10, no. 3, pp. 217–249. DOI: [10.1353/ncr.2010.0035](https://doi.org/10.1353/ncr.2010.0035).
12. Chow, R. (2006), "Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)", *Representations*, vol. 94, no. 1, pp. 131–149. DOI: [10.1525/rep.2006.94.1.131](https://doi.org/10.1525/rep.2006.94.1.131).
13. Kelly, M.G.E. (2010), "International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism", *Theoria: a J. of Social and Political Theory*, vol. 57, no. 123, pp. 1–26. DOI: [10.3167/th.2010.5712301](https://doi.org/10.3167/th.2010.5712301).
14. Kohrman, M. (2015), "Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China", *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 4, pp. 907–939. DOI: [10.1353/anq.2015.0053](https://doi.org/10.1353/anq.2015.0053).
15. Kim, J. (2016), "Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan", *The J. of the Royal Anthropological Institute*, vol. 22, no. 4, pp. 843–863. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12491>.
16. Thaker, E. (2020), *Tri teksta o zarazhenii* [Three Texts on Infection], Transl. by Vyatkin, D.I., Kolomiets, G.G. and Tsyrlina, Ya.E., Gileya Press, Perm', RUS.
17. Norton, S. (2021), "When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion", *Revista Portuguesa de Filosofia*, vol. 77, no. 2/3, pp. 715–732. DOI: [10.17990/rpf/2021_77_2_0715](https://doi.org/10.17990/rpf/2021_77_2_0715).
18. Sayre, J. (2018), "The Necropolitics of New World Nativism", *Early American Literature*, vol. 53, iss. 3, pp. 713–744. DOI: [10.1353/eal.2018.0070](https://doi.org/10.1353/eal.2018.0070).
19. Schmeink, L. (2016), "9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies", *Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction*, Liverpool Univ. Press, Liverpool, UK, pp. 200–236. DOI: <https://doi.org/10.5949/liverpool/9781781383766.003.0007>.
20. Walters, B. (2019), "Sulla's Phthiriasis and the Republican Body Politic", *Mnemosyne*, vol. 72, iss. 6, pp. 949–971. DOI: [10.1163/1568525X-12342610](https://doi.org/10.1163/1568525X-12342610).
21. Trimble Young, A. (2020), "The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture", *Lateral*, vol. 9.1. DOI: <https://doi.org/10.25158/L9.1.8>.

Information about the author.

Ivan M. Rotov – Postgraduate at the Department of Social and Political Philosophy of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan 420008, Russia The author of 2 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, biopolitics, history of everyday life of the Russian Empire of the second XIX – early XX centuries.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.06.2024; adopted after review 23.10.2024; published online 23.12.2024.